

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству обращения

Нурбекова Руслана Нурбековича

25 декабря 2025 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики в составе: Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш. при секретаре Джолгокпаевой С.А., рассмотрев обращение Нурбекова Р.Н.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 26 ноября 2025 года поступило ходатайство Нурбекова Р.Н. о проверке соответствия части 2 статьи 134 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) статьям 4, 23, 35, 56, 57 и 61 Конституции Кыргызской Республики.

Оспариваемая норма предусматривает, что в течение 6 месяцев с момента получения извещения о порядке возмещения ущерба реабилитированный вправе обратиться в соответствующий суд по месту своего жительства либо по месту нахождения уполномоченного государственного органа по прогнозированию и исполнению бюджета с иском о возмещении имущественного ущерба. Иск подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Как следует из представленных материалов, Нурбеков Р.Н. в 2016 году был привлечен к уголовной ответственности по части 2 статьи 313 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (в редакции 1997 года). В дальнейшем, приговором Первомайского районного суда города Бишкек от 28 февраля

2023 года он оправдан за отсутствием состава преступления. Данный приговор вступил в законную силу 30 марта 2023 года и 16 мая 2023 года ему было вручено извещение о признании права на реабилитацию в соответствии со статьями 132–136 УПК.

После этого заявитель обратился в суд с иском к Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики и Министерству финансов Кыргызской Республики, в котором просил восстановить его в прежней должности прокурора Чуйской области, взыскать заработную плату за вынужденный прогул за период с 7 октября 2016 года по 20 декабря 2023 года, а также восстановить прерванный трудовой стаж, утраченный в связи с привлечением к уголовной ответственности. В ходе рассмотрения дела истец дополнил исковые требования и заявил о взыскании денежной компенсации в размере 5 500 000 сомов.

При рассмотрении гражданского дела его исковые требования были изменены, а отдельные из них оставлены без рассмотрения на основании, поданного им ходатайства. Исковые требования в части восстановления трудовых прав были удовлетворены решением Октябрьского районного суда города Бишкек от 26 июля 2023 года, на основании которого приказом Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики от 20 декабря 2023 года он был назначен на должность прокурора отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью Таласской областной прокуратуры с присвоением специального звания «Полковник юстиции».

Полагая, что его право на восстановление именно в прежней должности прокурора Чуйской области было нарушено и причиненный ему вред не возмещен, реабилитированное лицо 16 апреля 2025 года вновь обратилось в Октябрьский районный суд города Бишкек с исковым заявлением о восстановлении в прежней должности, восстановлении трудового стажа за период 2016–2023 годов, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и возмещении имущественного вреда.

Решением суда от 11 июня 2025 года в удовлетворении исковых требований отказано. Суд указал, что установленный частью 2 статьи 134 УПК шестимесячный срок обращения в суд является обязательным и был пропущен, поскольку заявление подано спустя один год и одиннадцать месяцев, при этом доказательства уважительности причин пропуска срока представлены не были. Определением Бишкекского городского суда от 1 сентября 2025 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Субъект обращения считает, что установленный оспариваемой нормой шестимесячный срок необоснованно ограничивает его права как реабилитированного лица. По его мнению, данная норма противоречит статьям 23, 35, 56, 57 и 61 Конституции, поскольку ограничивает право на судебную защиту, на возмещение вреда и восстановление нарушенных прав, а также нарушает принцип верховенства права, закрепленный в статье 4 Конституции.

Заявитель ссылается на положения раздела VI главы 17 УПК (статьи 132–136), регулирующие порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. По его мнению, статья 136 УПК, предусматривая восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного в порядке гражданского судопроизводства, не устанавливает специальных сроков обращения в суд при реализации права на реабилитацию.

Кроме того, обращающаяся сторона ссылается на статью 999 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, возлагающую на государство обязанность возместить вред, причиненный незаконным уголовным преследованием, независимо от вины должностных лиц. Также указывает на постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики № 11 от 28 ноября 2013 года «О судебной практике по делам о восстановлении на работе» (далее – постановление Пленума), в котором разъясняется, что

положения статьи 215 Гражданского кодекса Кыргызской Республики о прекращении производства по делу в связи с пропуском срока обращения в суд не распространяются на трудовые споры.

Далее Нурбеков Р.Н. указывает, что на практике суды произвольно толкуют нормы гражданского и уголовно-процессуального законодательства, применяя установленный частью 2 статьи 134 УПК шестимесячный срок к требованиям реабилитированных лиц и отказывая им в удовлетворении заявленных требований по формальному основанию пропуска срока, что противоречит целям института реабилитации, направленного на полное восстановление нарушенных прав лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

Он также отмечает, что отдельные суды исходят из того, что восстановление реабилитированного лица в прежней должности при занятии этой должности другим работником может привести к нарушению прав последнего. По мнению обращающейся стороны, подобный подход является неправомерным, поскольку приоритет должен отдаваться статусу реабилитированного лица, чье конституционное право на свободу труда было нарушено вследствие незаконного уголовного преследования, а восстановление нарушенных прав является обязанностью государства и выражением принципа справедливости.

По мнению субъекта обращения, после вступления оправдательного приговора в законную силу государственные органы обязаны самостоятельно восстановить все нарушенные права реабилитированного лица, включая восстановление как в прежней должности, так и трудового стажа и выплату заработной платы за время вынужденного прогула. При этом он полагает, что при обращении реабилитированного лица в суд такие требования должны рассматриваться как бесспорные, за исключением случаев, когда заявляются дополнительные требования о возмещении морального вреда, процессуальных издержек, расходов на юридическую помощь либо иных затрат, требующих подтверждения.

Помимо этого, автор обращения утверждает, что оспариваемая норма не соответствует международным обязательствам Кыргызской Республики, в частности, пункту 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статье 3 Закона Кыргызской Республики «О международных договорах Кыргызской Республики», предусматривающей приоритет международных норм в сфере прав человека.

В подтверждение своей позиции заявитель ссылается на решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 31 января 2024 года и 29 марта 2023 года, в которых подчеркивается недопустимость ограничения права на судебную защиту формальными процессуальными сроками, а также указывается, что нормы, препятствующие реализации права на возмещение ущерба, признаются неконституционными.

С учетом изложенного, субъект обращения просит признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Коллегия судей, изучив ходатайство Нурбекова Р.Н., заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего на основании части 2 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предварительную проверку обращения, пришла к следующим выводам.

В соответствии со статьей 35 Конституции каждому гарантируется право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц при исполнении служебных обязанностей. Реализация данного конституционного права в сфере уголовного судопроизводства обеспечивается посредством института реабилитации, правовое регулирование которого закреплено в главе 17 УПК.

Согласно пункту 1 статьи 132 УПК право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного ущерба, устранение последствий морального вреда, а также восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Ущерб, причиненный лицу в результате уголовного

преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, следователя, прокурора и суда, что свидетельствует о повышенном уровне публично-правовой ответственности государства в данной сфере.

Частью 2 статьи 134 УПК, входящей в главу 17 Кодекса, установлен специальный шестимесячный срок обращения реабилитированного в суд с требованием о возмещении имущественного ущерба, исчисляемый со дня получения извещения о порядке реализации данного права. Указанный срок является процессуальным условием реализации права на реабилитацию и направлен на упорядочение соответствующих правоотношений, обеспечение правовой определенности и эффективности судебной защиты.

При этом положения статьи 134 УПК не подлежат изолированному толкованию, а должны применяться в системной взаимосвязи с нормами главы 18 УПК, устанавливающими общие правила исчисления, продления и восстановления процессуальных сроков. Так, в соответствии со статьей 138 данного Кодекса пропущенный процессуальный срок может быть восстановлен при наличии уважительных причин, а отказ в его восстановлении подлежит обжалованию. Наличие предусмотренного законом механизма восстановления процессуальных сроков выступает существенной гарантией права на судебную защиту и исключает формальный либо запретительный характер установленного законодателем срока.

Таким образом, введение шестимесячного срока обращения в суд по требованиям о возмещении имущественного ущерба сопровождается адекватными процессуальными гарантиями, позволяющими учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного дела и обеспечивать соразмерность ограничения, что не позволяет квалифицировать оспариваемое регулирование как создающее непреодолимое препятствие для реализации конституционных прав, гарантированных статьями 35 и 61 Конституции.

Ссылка заявителя на статью 136 УПК также не свидетельствует о неконституционности оспариваемой нормы. Установление в указанной

статье рассмотрения требований о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в порядке гражданского судопроизводства направлено на определение процессуальной формы разрешения соответствующих споров и обеспечение их рассмотрения в условиях равенства и состязательности сторон. Данная норма не регулирует специальные процессуальные условия реализации права на реабилитацию и не отменяет срок обращения в суд, установленный частью 2 статьи 134 УПК.

Отсутствие прямого указания на срок в статье 136 УПК не означает его неприменимости, поскольку соответствующее процессуальное условие закреплено в предшествующей норме той же главы, формирующей целостный механизм правового регулирования института реабилитации. Иное толкование приводило бы к фрагментарному применению законодательства и нарушению принципа правовой определенности.

Доводы заявителя о неприменимости установленных сроков со ссылкой на разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного суда и касающиеся трудовых споров, основаны на смешении различных правовых институтов. Институт реабилитации представляет собой специальный публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного в сфере уголовного судопроизводства, и не тождествен институту исковой давности либо срокам обращения за разрешением индивидуальных трудовых споров, регулируемым нормами гражданского и трудового законодательства.

Коллегия судей также исходит из того, что установление процессуальных сроков относится к дискреционным полномочиям законодателя, который, исходя из социально-экономических условий развития государства и при соблюдении принципов справедливости, соразмерности и баланса публичных и частных интересов, вправе определять объем и пределы реализации соответствующих прав. Процессуальный срок в данном контексте представляет собой допустимый инструмент правового регулирования, направленный на упорядочение судебной процедуры, а не на ограничение существа конституционного права.

Ссылки заявителя на судебные акты судов общей юрисдикции по конкретным делам по своему содержанию направлены на оспаривание правоприменительной практики и оценку правильности применения норм материального и процессуального права. В связи с этим приведенные доводы не образуют самостоятельного конституционно-правового вопроса и не свидетельствуют о наличии неопределенности в вопросе соответствия части 2 статьи 134 УПК Конституции.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктом 1 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайства Нурбекова Руслана Нурбековича о проверке соответствия части 2 статьи 134 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики статьям 4, 23, 35, 56, 57 и 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Возвратить представленные материалы заявителю.

3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

К.А. Дуйшеев

Л.Ч. Жолдошева

М.Ш. Касымалиев

№ _____